

Теоретическая культурология

Беспалова Т.В.

Национальная память и русская культура в периоды социальных перемен

Аннотация. В статье впервые поднимается проблема национальной памяти, которая немислима вне русской культуры, российского пространства и исторического времени. Специфика русской памяти определяется национальным характером, душой народа. В периоды политического противостояния национальная память дробится, формируются конкурирующие конфликтные версии культурно-исторической памяти, претендующие на статус национальной памяти. Восстановление памяти начинается с молитвы и очередного обретения русским народом своей исторической миссии. Новизна работы в выделении характеристик русской памяти, которые воспроизводятся из поколения в поколения через формы коммуникаций, историю, культуру и Православие.

Ключевые слова: русская память, память русской души, лёгкость русской памяти, русская культура.

Лёгкость русской памяти... Незлобливость, забывчивость, полнота, сочувствие, добродушие, терпимость, открытость, искренность, простота, забота, милосердие. Неужели это характеристики памяти? Так ли всё однозначно? Русская память – метафора или реальность?

Во времена великих потрясений народ (как и обычный русский человек) вспоминает даже то, чего не знал. Есть одна, очень важная, точка отсчёта, которая незримо всегда присутствует в выборе воспоминаний русского народа – это культура и Бог. Только после осмысления этой точки отсчёта возникает подлинная вера, любовь, гордость за принадлежность к истории великой страны и судьбы.

«Мертвые молчат. Бесчисленная их армия не встает из могил, не кричит на митингах, не составляет резолюций, не образует союза и не имеет представителей в совете рабочих и солдатских депутатов. <...> И все же эта армия мертвецов есть великая – можно сказать,

величайшая – политическая сила всей нашей жизни, и от ее голоса зависит судьба живых, быть может, на много поколений. <...> Какова бы ни была их судьба там, за пределами этого мира здесь, среди нас, их мученические образы живут в наших душах и движут нами. Или, вернее, живут не в наших душах, – не в слабых, ограниченных, легко забывающих и мало понимающих сознаниях отдельных людей, а в подсознательных глубинах великой, сверхличной народной души» [1]. Чаадаев писал о глубинной памяти народа, Франк о великой сверхличной народной душе, в подсознательных глубинах которой живут мученические образы наших героических предков. Сегодня пришло время писать о национальной памяти, памяти русского народа, памяти русской души.

*Память русской души позовет нас в дорогу
И дожди перемен смоят чёрную пыль.
Мы последний приказ получили от Бога,
Чтобы сны воплотить в долгожданную быль.
Мы вошли в полосу временного закона
И теперь мы свою отвоюем страну.
Разбудите скорей нас, любимые жёны!
Мы вернулись с войны, чтоб уйти на войну.*

(Д.Полторацкий)

Память это судьба и совесть нации, это мера национального бытия. Исчезновение памяти (беспамятство) ведёт к смерти культуры, нации, цивилизации. Осквернение народной памяти в периоды социальных разломов («чёрные мифы», пустота, историческая ложь и заблуждение) – это неизбежность, которую приходится преодолевать. Русская память это тысячелетняя историю – изменить её содержание практически невозможно, пока существуют русские.

Появление русских в истории – это мистическая тайна, которую не разрешить никому и в этом содержится более глубокий смысл, нежели если бы причина русского бытия была известна. Почти каждому поколению русских приходится разгадывать свою миссию снова и снова, наполнять её новым историческим и культурным смыслом. Однако всегда в этой миссии остаётся главное – сохранение исторической территории, Православной веры, традиции, русской классики и народной культуры.

Русская память – это национальная память, её формирование началось с появления православной молитвы, умения созерцать мир в самые суетные времена, любить жизнь во всех её проявлениях и способности жертвовать собой во имя Родины. Русское слово (в самом широком смысле) дало начало русской культуре, когда стало возможным запоминание имён, значений, образов и смыслов – самого дорогого, что есть у любого народа. Духовного смысла бытия. На русском языке когда-нибудь обязательно состоится разговор с Богом.

Русская память не похожа ни на одну другую.

*Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.*

(Ю.Кузнецов)

Это таинство времени и пространства, духовное измерение русского человека. На вопрос что помнить, а что забыть – у русских нет ответа, они уже помнят то, что необходимо для бытия нации и уже забыли то, что их разрушает.

Самобытность припоминания-забывания особо видна в национальной литературе, в народной культуре – «Не будь грамотен, будь памятен!», «Помни своих, не забывай наших!», «Тому тяжело, кто помнит зло», «Забыл, что женился, да и пошёл спать на сенник», «Память намозолил, всё перезабыл», «Иван непомнящий (родства и родины, т.е. бродяга)».

«Иванов непомнящих родства» в духовно-культурном смысле стало слишком много на русской земле и это не просто незнание своей истории, а убийственное для национальной души равнодушие («и смысл и память потеряв»).

Память выше грамоты. «Дела давно минувших дней, *Преданья старины глубокой...*» Это и есть русская культура в скрытых формах являющая содержание воспоминаний, самые значимые ценности русского человека.

Национальная или народная память (в русском восприятии это практически синонимы) живёт вопреки разрушительным войнам и искусственным идеологиям, вопреки культурным имитациям и религиозному фарисейству. Вопреки чему-то обычно и возникает настоящее. «Как объяснить тот факт, что миллионы провинциальных девушек-подростков идентифицировали себя с Татьяной Лариной, а миллионы юношей – с Печориным и Онегиным? Усилиями идеологии этого объяснить нельзя – она, напротив, выставляла свои заграждения вокруг данных типов, дотошно разъясняя их классовую ограниченность. Но нация провела «идеологию»: она совершила прорыв к родной классике...» [2] Что это – парадокс советской эпохи или память русской души?

Русская память слишком переполнена, чтобы включать в себя ненужные смыслы. Всё ненужное отбрасывается и преодолевается. Кристаллизация национальных смыслов бытия заняла более тысячи лет, не благодарное занятие – пытаться их изменить. Носитель памяти, русский народ никогда не позволял изменить культурно-цивилизационный код и даже через «советское» ярко проступало «русское».

Русский человек до конца сомневается, не потому что не знает как поступить правильно, а по причине детского протеста души, когда не хочется жить по правилам, иногда по причине какого-то

иного очень важного для отдельного человека жизненного смысла. Шукшин называл таких людей «чудиками».

В русской классике – Анна Каренина, Раскольников, Печорин, Онегин... сколько литературных образов, русских по духу и, совершенно не праведных. «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы сердца людей» – эту тайну невозможно разгадать до конца, иначе она перестанет так волновать. Очевидно одно, бессмысленно искать формулу русскости, она не вмещается ни в одно возможное объяснение. Отрицание формализма русскими во всех сферах бытия объясняется внутренним ощущением добра и зла (добро – центральная категория Православия, а не красота).

Религиозные вершины или житейские истины для русского человека – не важно – и то, и другое требует одинаковой самоотдачи. «Чем меньше женщину мы любим, тем *легче* нравимся мы ей...» – подобные житейские мудрости, как и многие другие характеризуют русский характер, душу русского человека, игру в русскую рулетку. «Играя в рулетку», русские беспредельно стремятся к святости. Риск неоправдан ничем, кроме обретения нового личностного смысла жизни.

Между святостью и риском быть уничтоженным в свою эпоху – вырисовывается русский характер. Обычно так появляются символические фигуры памяти, характеризующие смысл русского бытия – поэт, монах, философ, воин.

Память русских отличается от памяти других народов, потому что сформирована русским языком и русской культурой. Помимо этого она привязана к таким пространственно-временным ассоциациям, которые больше никому не доступны. Это и восхищает, и страшит.

Русская память добра, потому что русские не знают мести. Даже в отношении врага, русский стремится к исполнению своего Долга по совести, без злобы в сердце, но отчаянно, храбро, безудержно и рискованно приближая победу. Месть не в русской традиции («око за око, зуб за зуб» – эта максима не вошла в русскую повседневность). Кодекс чести русского офицера всегда имел большую значимость, чем любые другие ритуалы организованной патриотической памяти.

Русские и злы, и добры одновременно. Злость нужна для подвига, для окончательного утверждения русской миссии на земле. Без неё не было бы русской цивилизации и побед в самых страшных войнах человечества, поэтому память войны это неотъемлемая часть русской души. Кроме сохранения православной веры и русской культуры, требуется защита исторической территории России, что невозможно без носителя памяти – русского народа, воли национальной элиты. История России это история войн, история побед и поражений. Россия как пристань православного Духа всегда вызывала живой интерес у иностранцев, которые стремились приехать и хотя бы немного ощутить загадочность и таинственность русских.

Вопросительность судьбы России видится как символ грядущей грандиозной победы (Кутузов не случайно оставлял Москву). Горько и одновременно полезно осознать, что в периоды слабости русских, когда исчезал воинский дух, а в стране начинали процветать подлость, предательство и

стяжательство – Бог сразу посылал России новое испытание войной. И всё возвращалось: и подвиг, и надежда, и Родина.

Русских нельзя забыть, если кто-то пытается – они сразу напоминают о себе. Память о русских ещё сильнее, чем память русских о самих себе. Русские слишком велики, чтобы обижаться на попытки их завоевать. Русский человек избирательно относится к своему прошлому, наверняка зная, что в нём надо оставить, а что забрать с собой в продолжительное настоящее. Если русскому народу плохо – будет плохо и всем остальным, потому что наш народ достоин счастья и если кто-то вздумал его обидеть, Божий гнев будет страшен.

Русский человек слишком порядочен перед самим собой, перед Богом, а потом уже перед всеми остальными. Тысячелетнее созерцание самих себя в имперской парадигме дало русскому народу бесконечность меры в отношении происходящего. Только русский способен на безумные, странные поступки, которые могут быть объяснены стремлением к мечте или к совершенно простой житейской цели – грандиозность действий в обоих случаях будет одинакова.

Русским человеком движет Любовь - любовь к семье, Родине, Богу – у него нет других жизненных смыслов. Память укрепила в сознании народа эти ценности, к которым стремятся самые заблудшие души.

Русские очень уважают культуру и духовные святыни других народов, вплоть до защиты не-своих культурных ценностей в войнах. Почему? Чистота русской души неотделима от ощущения вины за несправедливость, которая вершится в мире. Русские вступаются за самых слабых, даже без надежды победить.

Европа совершенно иначе осмысливала тему памяти – через «помнящую культуру», «культуру памяти», «политику памяти и забвения», «коммеморативную культуру» и многие другие довольно интересные сюжеты, связанные с возможностью конструирования практически любого содержания памяти. Только они почти не работают в России. Наиболее важной представляется «живая память» или «память русской души» как созерцание, чувствование, «угадывание» подлинного и величественного, отрицание лживого и недостойного.

Когда власть пытается затмить память о значимых для народа событиях – это не удаётся, даже в условиях использования самых эффективных технологий политики памяти и забвения. Не удаётся по причине того, что русский народ это естественная культурно-историческая общность, а не искусственный конструкт. История возникновения русской нации отличается от всех остальных, именно в ней заложены ответы на вопрос: почему невозможно сконструировать удобный для власти тип верования, организовать историческую память как *любое* обращение к прошлому или создать новую национальную (в гражданском понимании) общность. Национальная память реальна, объективна, имеет свои законы развития, которые не поддаются искусственной организации.

Пределы русской памяти не в терпении, а в способности переживать эпохи социальных революций. Предательство национальной элиты (Беловежские соглашения), разделённость русского народа в постсоветский период обнажила самые горячие темы национальной памяти.

Что происходит с национальной памятью в эпоху войн, революций, радикальных социальных перемен? Она дробится. Борьба различных политических сил затмевает родной привычный образ Отчизны, подменяя его борьбой за лживые ценности. В этом противостоянии формируются конкурирующие конфликтные версии культурно-исторической памяти, претендующие на статус национальной памяти. Победитель этого противостояния утверждает свой вариант видения прошлого, настоящего и будущего, меняет носителя памяти (так возник советский народ), вкладывает огромный идеологический потенциал в политику памяти и забвения для создания новой общности (например, россиян).

Бог на стороне России, поэтому Время расставляет и, в очередной раз, расставит всё своим местам. Русская память пробивается сквозь любую идеологию, потому что она представляет собой подлинную национальную идею.

Наследование памяти невозможно (хотя много написано о генетической памяти), возможно наследование «общих воспоминаний и умолчаний», когда из каких-то подсознательных глубин возникает устойчивая картина прошлого, дающая представление – как жить дальше. Это необъяснимо, невыразимо, но работает. Для возрождения такого рода «воспоминаний/умолчаний» необходимо верно расставлять акценты - что помнить, а что забыть – иначе память может быть жестока со своим носителем. В каждую эпоху находятся русские люди, сердцем чувствующие «правду на земле» - удача для нации, если их сумеют вовремя услышать.

Культурное наследие без наследника не имеет будущего, как и наследники в состоянии «беспамятства» не могут обрести подлинное богатство русской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Франк С.Л.* Мертвые молчат // Франк С.Л. Непрочитанное... М.: Моск. школа полит. исслед., 2001. – С. 224-226.

[2] *Панарин А.* Народ без элиты. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. – С.142.

© Беспалова Т.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 20.05.2018.

Беспалова Татьяна Викторовна,

доктор философских наук, кандидат политических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник,

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им.

Д.С.Лихачева (Москва),

e-mail: info@ heritage-institute.ru

Bespalova T.

National memory and Russian culture in times of social change

Abstract. The article first raises the problem of national memory, which is unthinkable outside of the Russian culture, Russian space and historical time. The specific features of Russian memory are determined by the national character, the soul of the people. During the periods of political confrontation of modern ideologies, national memory is fragmented, competing conflicting versions of cultural and historical memory are formed, claiming the status of national memory.

The restoration of memory begins with a prayer and the next acquisition of its historical mission by the Russian people. The novelty of the work is in distinguishing the characteristics of Russian memory, which are reproduced from generation to generation through different forms of communication, history, culture and Orthodoxy.

Key words: Russian memory, memory of the Russian soul, easiness of Russian memory, Russian culture.

Bespalova Tatyana Victorovna,

D. in Philosophy, PhD in Political Sciences,

Russian Scientific Research Institute for Cultural

and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow)